

От показных —
к действию!

— Дмитрий Сергеевич! Конечно, мы предполагали, что в ответ на публикацию ваших «Тревог совести» редакция получит много писем; ваши выступления всегда вызывают активную реакцию читателей. Но, признаться, не ожидали, что, соглашаясь с вами в основном, в том, что противостоять лжи необходимо, читатели в то же время остро поставят вопрос о цене такого противостояния. Вот читатель Голдовский из Запорожья пишет: каждая его попытка «поступать по совести... заканчивалась сокрушительным поражением». Одним словом, донкихотство дорого стоит — ложь не побеждаешь, а собой жертвуешь.

— Совесть, гражданская совесть всегда требует не только личной позиции, но и мужества. И жертвы. Я подчеркиваю: именно жертвы.

— Да, но если бы человек только собой жертвовал! А то ведь приходится расплачиваться еще и ближним, и не всегда можно поставить на карту их спокойствие и благополучие.

— Конечно, в жизни далеко не все так просто. Не страшно, если приходится жертвовать собой, — это я могу сказать по своему опыту. Неизмеримо сложнее, когда приходится жертвовать интересами своих детей, своих близких. И те, кто пользуется этим, чтобы ока-

зать на вас давление, принудить вас поступать вашей совестью, — самые бесчестные люди.

Но, с другой стороны, какая же совесть без борьбы? Легко быть совестливым человеком, если все идет навстречу вашей совести. Ведь совесть тогда-то и ценна, если она заставляет человека бороться с собой, если ему приходится преодолевать сопротивление тех, кто принуждает поступать ею. Приходится действительно выбирать. И если вы найдете в себе не только мужество для борьбы, но и слова убеждения для близких, я уверен, ни один человек не в силах заставить вас пойти на сделку с совестью.

— Многие читатели рассказывают о том, какой расправе подвергают их за «тревоги совести»...

— Да, таких писем и я получил очень много. Вот одно из них: его прислала учительница из сельской школы Курганской области Галина Максимовна Савинская. Она проработала двадцать шесть лет учительницей физики, из них двадцать один в том селе, где работает и сейчас. Ей приходится трудно, очень трудно. Она выдерживает натиск, напор тех, кто стоит над ней, прежде всего директора школы, которого за стиль и порядок работы она критиковала на собрании. Возникает конфликт за конфликтом: требуют, чтобы она ставила удовлетворительные отметки тем ученикам, которые учатся плохо. Шантажируют. Унижают.

Что могу я ответить ей? Только одно: не сдаваться. Я убежден, что в конце концов

найдутся влиятельные и честные люди, заинтересованные в деле, а не во взаимной поддержке, которые помогут ей. Но мне хотелось бы сказать еще и следующее: ведь как бесчестно поступают коллеги этой учительницы! Во что они превращают профессию учителя! Похоже на то, что в иных школах создалась атмосфера в нравственном, в моральном отношении попросту критическая, бедственная: беспокойных, честных учителей (а я убежден в том, что беспокойные люди — самые честные по преимуществу) выживают, им не дают ходу, всячески ущемляют.

Вообще у нас к людям беспокойным, преданным своему делу относятся с подозрительностью и недоверием. Существует порочная практика: если беспокойному человеку приходится уйти с одной работы, то на новом месте о нем непременно наводят справки, запрашивают характеристики. Человек попадает в страшную, просто крепостную зависимость: он не может уйти от своего «барина», а «барин» на него уже обозлен и мстит вдогонку. Я знаю десятки случаев, когда страдали прекрасные специалисты, в том числе и ученые, кандидаты наук. Ярчайший тому пример: уже множество раз и в газетах, и по телевидению говорилось о травле, настоящей травле А. А. Корнобеда, черниговского краеведа, профессионального археолога. Он — гордость Чернигова. Но и сегодня его не оставляют в покое за его активную заботу об историческом облике и отдельных памятниках Чернигова.

— Вот она, ситуация выбора в чистом виде, о ней-то и пишут читатели. Как же быть? Поступаться совестью?

— Нет, ни в коем случае. Сопротивляться, добиваться. Искать союзников. Действовать и действием утверждать свои жизненные позиции. Ведь те неудобства, лишения, даже беды, которые приходится переживать человеку из-за убеждений, ничто по сравнению с мучениями, духовными и душевными переживаниями, которые неизбежны, если он поступается принципами. Поверьте опыту моей многолетней жизни. Да ведь и то письмо Голдовского, в котором он признается, что его якобы «воспитали», принудили поступать бесчестно, — это ведь свидетельство его душевных и духовных переживаний.

— Кое-кто из читателей спрашивает: «А где же вы были раньше, когда творились все беззакония?» «Теперь разрешили говорить, вот вы и призываете к совести!» — пишет, например, Н. Козырев из Красного Луча и, цитируя вас: «Мы же все видели — и... молчали», — возмущается. «Кто это «мы»? Думаю, зря вы распределяете эту вину на всех. Может быть, вам так легче, но я не согласен входить с вами в долю и произносить покаянные речи. Я не раз писал... выражая свое несогласие и протест по поводу того, что видел... Я всегда подписывался своим именем и рассчитывал на то, что мой голос должен и может слиться с другими голосами... Так что я не чувствую вины: я не молчал».

— Ни один человек не может сказать, что на нем нет вины: мы все виноваты в том, что происходило в последние десятилетия. Подчеркиваю: все без исключения. Это моя принципиальная точка зрения, в корне отличная от точки зрения Юрия Бондарева, о чем я уже сказал в коротком письме в «Советской культуре».

Если вы пользуетесь электроэнергией, газом, пользуетесь услугами транспорта, полу-

чаете зарплату — значит, вы причастны ко всему, что происходит. Никто не может сказать о себе, что он «чист», что он стоял в стороне, что он ни к чему не причастен. Такую позицию я разделить не могу. Более того, мне кажется, что сегодня сознание своей безупречности, непогрешимости породило другое чувство — чувство мщенья, расплаты, желание расквитаться, обличить, судить других, а не себя. Гласность некоторые стали понимать как право надавать пощечин всем, кто не нравится. Отголосок этих чувств я увидел в тех письмах, где читатели упрекают меня в «бесфамильной» гласности, в трусости, в том, что я не назвал имени писателя, который, потрясая пачками денег, учил Платонова: «Во как нужно писать, Платонов!» Не назвал имени бывшего главного архитектора города Ленинграда и т. д.

Нет, я не за бесфамильную гласность. Но обличение — дело ответственное и серьезное. Зло на зло — это уже два зла. Здесь я бы напомнил смысл древней мудрости, которая гласит: не обличай зло, да не возненавидят тебя. Обличай премудро, и послушают тебя. Для того чтобы вас услышали, нужна доброта. Правом судить нужно пользоваться осторожно, очень осмотрительно. Поэтому давайте постепенно привыкать и к другому слову — не только гласность, но и демократия. Гласность, мне кажется, — это не очень удачный заменитель такого широкого всеобъемного понятия, как демократия. Вот когда оно во всей своей полноте войдет в нашу жизнь, мы не будем испытывать желания подменять подлинно свободный обмен мнениями, суждениями и

взглядами сведением счетов, разоблачением и разоблачительством. Ибо разоблачение и разоблачительство — это кампания, действительно, как точно выразился один из читателей, «управляемая гласность», «выпускание пара». А демократия — норма жизни, естественное и постоянное состояние общества, его дыхание. Нам надо учиться демократии, учиться терпимости к чужим мнениям, умению выслушивать и возражать. Учиться равенству в споре...

— А возможно ли такое равенство? Читатели ведь именно в этом и сомневаются. Вот, например, ветеран войны и труда Александр Иванович Гузенко из Курска приводит разговор председателя райисполкома с просительницей, пожилой женщиной. Она — ему: «Я же голосовала за вас!» А он — ей: «Могли бы и не голосовать, меня бы все равно выбрали...»

— Читатель не совсем прав: именно система выборов начинает потихоньку меняться у нас в лучшую сторону. Но только начинает. И я могу согласиться: самая страшная наша беда — безнаказанность и неподконтрольность — порождает вседозволенность и цинизм у тех, кто наделен властью, а с другой стороны — безверие. Но никакие наши усилия не пропадают даром, ни одно движение души! И если бы я усомнился в неизбежности торжества правды, я бы мог считать, что моя жизнь потеряла смысл. Конечно, ничего не изменится, если каждый, не заглядывая в избирательные бюллетени, будет бросать их в урну. Но я бы спросил и того председателя райисполкома — каково вам сознавать, что вас никто не выбирал, что вы не избранник народа? Вы же, по сути, самозванец...

— Задам вопрос устами читателя из Николаевской области, к сожалению, подписался он неразборчиво: «Откуда у вас столько оптимизма? Хоть вы и не молоды, но, наверное, легко прожили жизнь, не попадали под пресс суровой действительности?»

— Я попадал «под пресс суровой действительности», но если мне действительно в той или иной мере удалось сохранить духовное здоровье, душевное равновесие, то только потому, что я не озлобился. Я не озлобился ни после Соловков, ни после Беломорканала, ни после откровенного замалчивания и травли в науке уже позже. Я принял это как должное, как судьбу. А ведь это и была судьба многих моих современников, многих и многих людей моего поколения. Может быть, мне именно это и помогло: понимание того, что моя судьба — не исключение. Я вообще не понимаю людей, которые несут свою судьбу впереди себя, как икону.

В тридцатые годы, когда я уже вернулся с Соловков, я работал корректором. Мне предлагали другие должности, но я отказался: я не мог принимать участие в том, что происходило тогда. Но это был мой индивидуальный выбор, и навязывать его всему своему поколению я не могу. Но о трагедии целых поколений наших людей говорить надо. И говорить прямо. Только правда способна помочь залечить раны.

— «Я согласен, — пишет С. Федоренко из Львова, — с многим, о чем вы говорите. Тем более что это напоминает десять заповедей. Но мы дошли до фарса. Даже «Утренняя почта» борется за гласность!.. Хотя, на мой взгляд, стрелка стоит там же, где и раньше, только некоторые думают, что она сдвинулась к лучшему. Печально, что и вы в их числе».

— Никак не могу согласиться с тем, что «стрелка» стоит на месте. Процесс демократизации крайне сложный и трудный. Нельзя не учитывать то, из какой бездны приходится выкарабкиваться нашему обществу. Недавно во Франции мне тоже говорили, что процесс демократизации происходит у нас слишком медленно. Но ведь нельзя забывать, что годы культа пустили глубокие корни в сознание целых поколений и с их духом покончить невозможно одним махом: это как крепостное право, которое, уже будучи отмененным, продолжало действовать, порождая и развивая рабскую психологию. Последствия культа Сталина осуждены и развенчаны, однако страх, который он вогнал нам в плоть и кровь, все еще сковывает и парализует сознание людей. А где есть страх — там нет правды. И все-таки никогда, даже в самые трудные времена, «стрелка» не стояла на месте.

То, что в нас все еще жив страх, подтвердило письмо товарища Воронцова из Москвы. В деревне, в которой жила семья Воронцовых, как пишет автор, никто никого не эксплуатировал, все трудились от зари до зари. Но пришла из района разнарядка на раскулачивание. Жребий пал на семью Воронцовых. Их погрузили в товарный вагон и отправили в ссылку. Спустя время разобрались, из ссылки вернули, что, конечно, бывало не часто. Когда же семья Воронцовых прибыла в родную деревню, их дом уже был занят под учреждение.

Вспоминая пережитое в ранней молодости, вспоминая горе и отчаяние близких, читатель

задает вопрос: за что? Нет, в нем говорит не мстительное чувство, а желание хоть на старости лет узнать правду. Однако самое тревожное в этом письме — приписка: «Случайно зашел ко мне племянник, и я прочитал ему то, что написал вам, а он мне сказал: «Безумец! Ты что, снова проехать в Сибирь хочешь? В твои-то годы! Разорви и выбрось!» И товарищ Воронцов спрашивает меня, есть ли основания для таких опасений?

Я думаю, что оснований нет. Но чтобы аналогичные прошлому ситуации не повторялись, нужна правда. Правда не только о прошлом, но и о недавнем прошлом, о настоящем. Читатели хотят знать правду. Их требование абсолютно справедливо. Если мы будем говорить правду только задним числом, это не избавит нас от повторения прошлых ошибок. Только доверие, открытость способны противостоять насилию и преступлениям.

— Размышляя вместе с вами над нравственными проблемами нашего общества, над причинами бездуховности, лжи, коррупции, бесчестности, читатели — и их немало — утверждают, что прежде злу противостояла церковь, она обладала опытом нравственного воспитания, и то, к чему вы их, читателей, призываете, уже содержалось в религиозной морали.

— Мораль в природе человеческой. Ее нормы устойчивы и вечны. В самом деле, что можно противопоставить заповеди. «Не убий»? Какую иную заповедь? «Убий»? А заповеди «Не укради»? Или «Не лжесвидетельствуй»?

Это одна сторона вопроса. А вот и вторая. Я получаю много писем, в которых мне рас-

сказывают об атеистической пропаганде: она нередко внушает нашим гражданам враждебное отношение к верующим и церкви. Вера считается признаком невежества, хотя должен сказать, что как раз враждебность к верующим — от невежества, от незнания истории церкви, истории вообще. Вот и в той почте, которую я получил в ответ на свое выступление в «ЛГ», встречаются письма, выдержанные в духе пренебрежительном, развязном по отношению к верующим, священнослужителям. Это плоды не только невежества, но и отсутствия иной культуры — культуры демократии.

У нас бытует мнение, будто монастыри были рассадниками мракобесия. Но кто же переписывал книги? Кто вводил новые системы хозяйствования, как, скажем, на Соловках? Кто выводил новые сорта плодов? Проблемы генетики и селекции именно в монастырях занимались еще в Древней Руси! Ведь было известно около трехсот сортов яблок! Я уж не говорю об эстетике — эстетике церковного пения, эстетике церковного слова, живописи, архитектуры, которой мы сейчас восхищаемся и которая всегда была на высочайшем уровне. На все это нельзя закрывать глаза. А кроме того, мы знаем, какую роль сыграла церковь в истории России: скажем, в период феодальной раздробленности она выступала за единство, против междоусобиц; она вдохновляла на борьбу с иноземными захватчиками. Мы говорим о победе Дмитрия Донского в Куликовской битве, но обходим молчанием Сергия Радонежского, вдохновителя этой победы, который, как говорит о нем церковь,

«возвещал еси и великому князю Дмитрию о победе многочисленных прегордых агарян, хотящих Россию огнем и мечом опустошители». А кто выступил против жестокости в тяжелые времена Иоанна Грозного? Митрополит Филипп, который бесстрашно обличал жестокого властителя.

Если говорить о современной церкви, то надо, особенно сегодня, накануне 1000-летия крещения Руси, подчеркнуть: мы стоим за полное, действительное отделение церкви от государства. Наше государство должно быть действительно внерелигиозным, оно не должно вмешиваться в дела церкви. Разумеется, и церковь не должна вмешиваться в дела государства. Именно за этим должен следить Совет по делам религии! К сожалению, в недавнем прошлом Совет вмешивался, и очень активно, в церковные дела. И надо ли ограничивать церковь в праве издавать необходимыми тиражами книги, в которых испытывают нужду верующие: Библию, церковные календари, святоотеческую и иную церковную литературу?

— И последний вопрос, Дмитрий Сергеевич, — о литературе. Читатели сетуют на то, что вы, говоря о серой литературе, никого конкретно не называете, не обрушиваете весь свой гнев и авторитет на головы тех, кто ее производит. «Чего вы испугались?» — спрашивают читатели.

— Я не испугался, а совершенно сознательно не назвал посредственных писателей. Потому что серых писателей невероятное множество, и они друг от друга не отличаются. Значит, называя одних и не называя других, я

уже делаю какой-то выбор, а это предвзятость и пристрастность. А кроме того, мне важна была прежде всего тенденция.

Однако сейчас я обращаюсь к читателям с предложением: если вы купили книгу серую, посредственную, халтурную, отошлите ее обратно в издательство, автору ее верните. Ведь когда вы покупаете вещь и она оказывается негодной, вы же ее возвращаете либо в магазин, либо тому, кто эту вещь выпустил. Поступите точно так же с негодной книгой. Плохая книга гораздо опасней негодной вещи. Не миритесь с плохими книгами. Проявите вашу гражданскую активность. Пусть в магазине и издательстве знают, против кого вы голосуете.

Собственно, подписчики на наши «толстые» журналы так и делают: вам вряд ли удастся купить свежие номера «Нового мира», «Знамени», «Дружбы народов» или той же нашей ленинградской «Невы».

Литература, как известно, часть нашей жизни, часть нашей действительности. Отрадно, что это понимают мои корреспонденты. Вот инженер Марцев из Львова пишет: «Я не согласен с Вами в том, что у наших писателей были объективные причины для молчания... Просто существовал определенный «эшелон», который никогда не попадал на страницы их произведений, не исследовался, был неподсуден. Может быть, в трагедии Кунаевых и Щелоковых виновато молчание советской литературы?»

Литература — это барометр общества. Общее падение культуры, падение нравственности особенно заметно на литературе. То, что

происходит в литературе, характерно для всей жизни общества. Посмотрите: и в науке, например, такое же засилье псевдоученой серости, псевдокандидатов и псевдодокторов» Засилье псевдоученых в естественных науках — как раз их усилиями и стараниями мы, по сути дела, загубили природу. Засилье бездарных ученых в науке гуманитарной, филологической, состояние которой самым непосредственным образом сказывается и на развитии технических наук. Например, литературоведение у нас частично перестало быть наукой, переродившись в журналистику. Нашими учеными-литературоведами выпускаются труды, в которых за дымовой завесой наукообразия и откровенного журнализма скрываются не просто неточности, а грубейшие ошибки, незнание предмета. Прочтите статью И. Золотуского в «Литературном обозрении» о «трудах» титулованных псевдоученых!

Литературоведение — наука нужная и историкам, потому что у наших историков недостаточно филологической культуры (представьте: специалисты по Древней Руси плохо знают древнерусский язык!); это наука, необходимая и техникам, потому что научная терминология требует точного выражения мысли. Но особенно необходимо литературоведение литературе. Чего же можно ждать от литературы, если к ней не предъявляются высокие требования? Если у нас выходят в огромных количествах серые, никому не нужные книги, то вина за это ложится прежде всего на издательства. Посредственному писателю легче всего договориться с посредственным издателем. Они понимают друг друга с полуслова.

Тут вступает в действие принцип: ты — мне, я — тебе. Изменилось ли что-либо сейчас? Да, читатели получили многое из того, что раньше не печаталось. Но тут же раздались обвинения в некрофильстве. Значит, если издается классика, если публикуются произведения прошлого, — это некрофильство? Но культура, подлинная культура, не может быть трупом, она не умирает.

Да, атмосфера в литературе как будто начинает меняться. Но вот что пишет преподаватель педучилища Т. Мухина из Москвы. «В первом номере «Книжного обозрения» за этот год приводится список подписных изданий. В списке издательство «Художественная литература» занимает центральное место. В планах издательства значатся: Бальзак, Бунин, Голсуорси, Фолкнер, Тургенев. Что ж, можно только позавидовать тем читателям, которые их получают. Но настораживает то, что вровень или почти вровень с классиками идут современные литераторы, многие из которых сюртук классика примеряют на свои плечи, мягко говоря, преждевременно».

Позиция читательницы, на мой взгляд, вполне справедлива.

Отмечу в заключение: я очень рад откликам и очень доволен ими. И более всего доволен теми, в которых читатели спорят со мной. Это и есть живой разговор, разговор на равных. Такие отклики — вернейший признак пробуждения тревог, пробуждения активности. Раз спорят — значит, тоже думают, значит, тоже хотят что-то изменить. Равнодушные не спорят, они просто поступают по-своему. Но для того, чтобы что-то изменить, — тут я со-

глашусь с читателями, — мало покаянных речей. Пора переходить и к действиям. Наша беда в том, что еще так сильна инерция застоя и что те же люди, которые в ней повинны, все еще остаются на прежних местах: мало того, что, противясь переменам, они изворачиваются и лгут, они и других пытаются принуждать ко лжи. Не могу сказать, что те, кто противостоит их напору, их натиску, — одиночки, но они пока что в меньшинстве. И все-таки побеждает в конечном итоге тот, кто ничего не боится, хотя, как внешне может показаться, он и терпит поражение: испытывает неудобства бытовые, переживает даже лишения и беды. Зато насколько выше сознание того, что вы не миритесь с ложью, противостоите ей делом, действием!

Я могу повторить то, что сказал раньше: в правде нет страха. Правда и страх несовместимы...

Беседу вел Н. Тюльпинов

1987